

29.07.03

118

Ноя Гаспар

автор Газета-2003-29 янв с 15

“Я люблю посвистеть”

Гаспар Ноэ — Газете

Режиссер, возмущивший Каннский фестиваль своей «Необратимостью», а затем получивший за нее главный приз на кинофестивале в Стокгольме, Гаспар Ноэ спокойно относится к репутации скандалиста. Это Антон Долин понял, встретившись с Гаспаром Ноэ в Париже накануне московской премьеры фильма.

О чем «Необратимость»? Можете объяснить в нескольких словах? Продюсерам я объяснил, что это история насилия и мести, рассказанная наоборот. Сначала мы видим убийство, потом изнасилование, а затем мы поднимаемся к нормальной жизни изнасилованной женщины с ее мужем. Мы практически не видим монтажных склеек, все идет будто подряд — хотя это лишь иллюзия.

Почему вы решили рассказывать историю наоборот? Мне нравится перевернутая структура. Мой фильм очень прост: берете тринадцать сцен и меняете порядок. Но это забавно: вы видите мужчин, убивающих кого-то, вы в ужасе, говорите себе: «Ну и варвары!» А потом, когда события восстанавливаются, вы меняете точку зрения, вы понимаете, что это хорошие люди, которые обезумели после акта насилия над женщиной, которую они оба любили. В фильме немало сюрпризов: рассчитать, что будет потом, возможно, а что было раньше — куда труднее.

«Необратимость» работает так, как функционирует механизм человеческой памяти. И мне ужасно понравилось, что финал фильма полон абсолютно банального мира и счастья: мужчина и женщина целуются, им хорошо, они счастливы, ничего особенного в этом нет. Но эта сцена принимает драматический поворот, потому что мы знаем, что произойдет следом. Я, кстати, пытался поставить события в нормальном порядке, но тогда начальную сцену невозможно смотреть — это обычное буржуазное французское кино, какого слишком много сегодня.

Можно ли спастись от буржуазности, просто перевернув порядок? Первая половина, которая в итоге стала второй, — да, она буржуазна. Вторая, начинающая со сцены изнасилования, — вовсе нет. Она больше напоминает американский фильм ужасов. Дарио Ардженто, Брайан де Пальма. Кстати, если поставить события в нормальном порядке, понимаешь: он не убил насильника, он убил кого-то другого, невинного. Герой не выигрывает, он в проигрыше. Такого в американском фильме с Чарльзом Бронсоном мы не увидим — там месть всегда свершается, виновного наказывают.

Вы сняли фактически фильм без героя, его герой — судьба, которая уничтожает семейное счастье центральных персонажей без видимой причины. «Необратимость» похожа на «Титаник». Вначале кто-то объясняет, как все случи-

лось, как погиб корабль, а потом вы смотрите фильм, и есть в этом что-то фатальное: вы знаете, чем все кончится. Вы не знаете лишь, кто выживет, а кто нет. Лично я не верю в предназначение, но, быть может, все события во времени уже записаны, а внутри нас — мотор, который заставляет эти события произойти. Мы не пассивны и по отношению к фильму, мы тоже его создаем, когда смотрим.

Вы чувствуете близость с «Титаником» Джеймса Кэмерона? Есть общие черты. Это история любви, кто-то умирает, это мелодрама. Кроме того, «Необратимость» снята на пленку, и это цветной фильм — в точности как «Титаник».

Вы не боитесь, что столь виртуозная форма может убить содержание фильма? Может быть, я нахожу форму интереснее содержания! Диалоги, например, состояли из чистых импровизаций. Актерам это нравилось. А первоначальный сценарий уместился на трех страницах. Каждую сцену снимали, пока текст не принимал оформленных очертаний. Венсан или Моника проносили какую-нибудь шутку, я говорил им: «Отлично, давайте сохраним это». Я говорил актерам: «Удивите меня — и удивите тем самым зрителей».

Вам нравится, что ваш фильм называют провокацией и скандалом?

Если вы возьмете список самых скандальных фильмов за всю историю кино, то найдете там очень хорошие и очень плохие. Мне нравится «Сало, или Сто двадцать дней Содома» Пазолини — гениальный фильм, мне очень близка «Империя чувств» Осимы, но, например, «Последнее танго в Париже» мне кажется не слишком скандальным, да и вообще неинтересным. Скандал — это не сам фильм, а события вокруг него: например, в моем случае Каннскому фестивалю понадобился скандал... и он его создал вокруг моей картины.

Откуда приходит зло в вашем фильме — та сила, которая внезапно разрушает семейную идиллию? Даже не знаю, существует ли в Москве мир хард-гомосексуальной культуры...

Понятия не имею, поскольку не являюсь его частью. Да и я, в общем, тоже. Но в Париже существуют целые кварталы, специальные клубы, куда гомосексуалисты приходят для анонимного секса. Всегда в кино пугают эти гомосексуальные атрибуты — затаенные в кожу мужики. Не то чтобы это совпадало с моим представлением о преисподней, я не гомосексуалист, но сексуальные отношения мужчины с женщиной придают особую жестокость первой половине моего фильма: до того, как является женщина. Дело даже не в том, что насильник в моем фильме — педик, а в том, что он пришел из этого жестокого мира. Между прочим, гомосексуалистам «Необрати-

мость» как раз очень понравилась. К тому же насильник — не гомосексуалист, а бисексуал. Главные противники фильма — мужчины-гетеросексуалы, привыкшие доминировать в отношениях. Они и вытаскивали своих женщин с сеанса моего фильма, а те упирались, поскольку хотели досмотреть.

Говорят, Моника Белуччи и Венсан Кассель расстались после съемок в «Необратимости»... Я тоже услышал об этом, прочитал в прессе, и тут же позвонил им. Венсан ответил, что все это чушь и что они не думают расходиться. Моника много работает в Голливуде, вот и все. Они с Венсаном друг друга любят, у них все в порядке. Желтая пресса придумывает сюжеты, а актерам приходится отбиваться от нее уже в суде.

«Необратимость» была жестоко освистана в Каннах. Вас это расстроило или обрадовало? Даже не знаю. Одни орали: «Ноэ, твой фильм — дерьмо!», другие аплодировали. Я сам люблю посвистеть. Я был в Каннах на премьеры «Короткого фильма об убийстве» Кишиштофа Кеслевского и свистел как сумасшедший, и весь зал свистел. Фильм, кстати, был хорошим, не поэтому я свистел. Это как в нацистской Германии: делать что-то в толпе, синхронно с ней доставляет любутому удовольствие. Свист приносит радость, и у нас было право устроить себе праздник. Для того люди и приезжают в Канны.